

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интервью с Евгением Бабосовым

Яўген Бабосаў нарадзіўся ў 1931 годзе ў Разані (Расія). Сацыёлаг, філосаф, адна з буйнейшых даследчых і адміністрацыйных постацяў у беларускай навуцы. Доктар філасофскіх навук (1972), акадэмік Акадэміі навук Беларусі (1994). Узнагароджаны Дзяржаўнай прэміяй БССР за цыкл працаў па гісторыі беларускай грамадска-палітычнай думкі (1984). З 1990 па 1998 год узначальваў Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі, з 1998 года — ганаровы старшыня Інстытут. У 1993 годзе быў адным з ініцыятараў стварэння Рэспубліканскай партыі працы і справядлівасці, а ў 1994 годзе спрычыніўся да стварэння Сацыялістычнай партыі Беларусі. Аўтар каля 600 навуковых публікацыяў, сярод якіх больш за 25 індыўідуальных манаграфіяў. Падрыхтаваў больш за 60 кандыдатаў і 18 дактароў філасофскіх і сацыялагічных навук.

Андрей Казакевич: Вы сейчас возглавляете секцию в Институте социологии НАН, которая называется «Социология права и политики». На протяжении своей активной научной деятельности Вы занимались многими отраслями науки. Почему в данный момент Вас наиболее интересуют политика и сфера управления?

Евгений Бабосов: Первоначально занимался философией и кандидатскую диссертацию, и докторскую защищал по философии. Это то, что называлось раньше марксистско-ленинской философией. Когда я приобрел квалификацию, понял, что читать студентам исторический материализм скучно им, и еще скучнее мне. Диалектический материализм читали 240 часов, исторический материализм — 140 часов. В этих курсах были не только классики марксизма, было много интересного — Гегель, Кант, Бэкон, Декарт и др. Не было того, что называется буржуазная идеалистическая философия. Я заинтересовался, стал читать то, что было в открытом доступе и в закрытых фондах. Получил такой допуск. Читал в Москве, Минске, у меня была очень хорошая связь с Польшей. А поляки переводили всех классиков не только философии, но и политологии еще при социалистической системе — Г. Алмонд, С. Верба. Затем, набрав материалы, стал читать курс «Критика современной буржуазной философии» в РИВШ, тогда он

назывался Институт повышения квалификации и имел статус всесоюзного. Именно этот курс стал основой для активной деятельности в области социологии. Это было 25 лет назад. Так как, при всем моем уважении к философии, социология (как и политология) ближе всего к жизни, к тем процессам, которые происходят в обществе, в стране. Это мне было интересно, этим я стал заниматься.

Что касается политики, то развал СССР, образование самостоятельного белорусского государства, трудный путь его самоопределения, еще более трудный путь выбора политического развития подтолкнули меня к изучению проблем, связанных со своеобразием политических процессов в Беларуси. Они не такие, как в России, не такие, как в Литве, и тем более в Польше, Чехии. В результате возникла идея организовать группу людей, которые занимались бы исследованием современных социально-политических процессов в Беларуси в широком плане. Почему политика? Потому что политика (при том, что это вещь не всегда чистая, моральная, а чаще наоборот) по определению Бисмарка — «искусство на грани возможного», следовательно, искусство невозможного. Политика включает в себя массу проблем государственного устройства, политической системы и режима. Для нас это также проблема политического

самоопределения страны и создания нового эффективного государства.

Понимание того, что такое эффективное государство? Как государство влияет на политические процессы, и, наоборот, как политические процессы влияют на государство? Все это жизненно важные проблемы. Именно это является основанием для проявления интереса к политике. Политика — это огромный резервуар, в который стекаются все нити, все потоки, все процессы, которые происходят в обществе.

Ирина Суздалева: Какие центры, изучающие политические процессы в обществе, появились в Беларуси первыми?

Е. Б.: Вообще, историю политических исследований в Беларуси можно отсчитывать с 20-х гг. XX в., когда в БГУ была организована первая в СССР кафедра теоретического материализма. Тогда профессора Б. Быховский, С. Вилейский и академик С. Вальфсон (первый директор Института философии Беларуси) начали исследовать национально-политические особенности развития Беларуси, проблемы национального выражения в политическом процессе, национальной самобытности белорусского народа, образа жизни и т. д. Они впервые стали заниматься политологическими вопросами, основываясь на четких теоретических конструкциях и вписывая их в общий философский контекст. К сожалению, в 30-е гг. начался процесс «высеивания интеллигенции», большинство ученых было репрессировано. Кроме того, во время войны многие из философов и социологов, которые занимались политическими вопросами, погибли на фронтах или в партизанских отрядах.

Те, кому удалось выжить, с конца 40-х гг. пытались возобновить практику политических исследований. Это были мелкие, спорадические, не систематизированные и не построенные в форме научной системы исследования, вроде «Роль Коммунистической партии Беларуси в развитии образования» (собственно, прикладное описание государственно-партийной политики в области образования), которые делались по заказу партийного ЦК. Естественно, такие исследования были политически ангажированными, ограниченными по своей проблематике и объему, несистематизированными, часто теоретически неосмысленными. Тем не менее это были политические исследования. Правда, о политологии в Беларуси, в собственном смысле этого слова, можно говорить только после появления первых переводов Алмонда и Вербы (еще более точно — не переводов, а публикаций об их работах как «буржуаз-

ных», «антисоциалистических» теориях), до этого исследования проводились без специальных методов, теоретической и концептуальной основы.

С конца 70-х гг. мы в Институте социологии стали исследовать социально-политическую панораму Беларуси. Тогда впервые мы стали заниматься исследованием политических вопросов не абстрактно, а конкретно, используя общереспубликанский опрос людей, привлечение официальной статистики, литературы и т. д.

Политические исследования в современном смысле появились в начале 90-х гг., в период развала Советского Союза, хотя предпосылки были созданы еще раньше. Систематизированный анализ политических процессов впервые начал осуществляться на базе кафедры научного коммунизма БГУ.

А. К.: Какие наиболее значимые центры занимаются политическими исследованиями?

Е. Б.: Основные центры — это Институт социологии НАН Беларуси, БГУ, Институт социально-политических исследований при Администрации Президента, Академия управления при Президенте РБ. Это основные точки, где развивается политология как совокупность исследовательских практик, как система со своими дисциплинарными принципами, методами и т. д. Можно еще назвать центры прикладных социально-политических исследований НИСЭПИ, «Новак», которые также занимаются политическими исследованиями на основании заказа.

А. К.: Почему нет специального института, который занимался бы политическими исследованиями в Академии наук?

Е. Б.: В Академии наук ставился вопрос о создании Института политологии, но было принято решение создать Центр социологии управления, политики и права в Институте социологии НАН. Почему? Потому что создание института требует наличия нескольких компонентов. Вот основные — наличие кадров, как минимум несколько докторов наук. Второе — приличное финансирование, а сегодня Академия наук испытывает серьезные трудности в финансировании исследований. Сейчас крен такой, чтобы фундаментальные исследования стали фундаментально ориентированными с дальнейшим преобразованием в прикладные. Заказ на политические исследования может быть, прежде всего, перед выборами, но в настоящее время политология как таковая не имеет даже такого политического заказа, подкрепленного государственным финансированием.

Фундаментального академического центра (такого, как, например, Институт социально-политических исследований Российской Академии наук, с приличным зданием, финансированием, где есть возможность на фундаментальном академическом уровне заниматься исследованиями) в Беларуси нет. У нас только отдельные элементы. Есть, конечно, Белорусская ассоциация политических наук, но это не то. Ассоциации не исследуют, они говорят. Поэтому сказать, что у нас очень мощно развита политология, пока нельзя. Есть центры, которые занимаются исследованиями, готовят кадры... Это процесс роста. Для того чтобы подготовить кадры необходимой квалификации, для создания крупного центра необходимо лет 20. Обучение в университете, подготовка и защита кандидатской, а потом и докторской диссертации. Если считать с 1990 г. — нужно еще лет 5 для того, чтобы сформировалась критическая масса, из которой можно создать центр большого масштаба. Не имеет значения, будет это академический центр или вузовский, где были бы объединены силы для того, чтобы заниматься политологией по-настоящему.

И. С.: Если подводить некоторые итоги того, что уже сделано, как бы Вы оценили развитие белорусской политологии на сегодняшний день?

Е. Б.: Надо брать в сравнении. Если по сравнению с Россией, то, конечно, мы отстаем. Если брать по сравнению с любыми другими, — подчеркиваю, с любыми другими бывшими республиками СССР, включая Украину, — мы либо впереди, либо «на уровне». Уровень наших политических исследований вполне сопоставим с украинским, хотя там более развитая сеть политологических центров. Кроме того, нельзя забывать о том, что у них другая политическая система, и другой масштаб экономической базы, и возможность содержать такие структуры, которых у нас пока нет, к сожалению. И потом, для того чтобы создавать мощную исследовательскую базу и организовать научный потенциал, нужен общенациональный «лидер», который этим бы занимался. Пока его не видно.

И. С.: Как можно оценить достижения политологов в области развития вузовского образования? Какому уровню качества соответствуют учебники по политологии белорусских авторов?

Е. Б.: На какие-то оценки мне выходить не хотелось бы. Считаю, что учебники подходящие, с точки зрения того, чтобы учить студентов. Но чтобы двигать теорию, они еще недостаточно ква-

лифицированные, с точки зрения теоретической разработки основных проблем политологии как науки, как специальной отрасли знания, которая уже отделилась и от социологии, и от философии.

И. С.: Политическая социология и политология: как соотносятся эти отрасли знания?

Е. Б.: Социология — всеобъемлющая наука: это и общая социология, частная социология, отраслевые социологии. Политическая социология — отрасль. Социология занимается изучением отношения людей к политике, вхождения в политику, значения политики и т. д. Что касается политологии, то она концентрирует внимание на изучении политических режимов, политической системы, политического участия. Данные дает социология, а политология делает выводы, создает политические рекомендации, прогнозы. Социология является базовым эмпирическим материалом, на котором можно строить очень интересные политологические выводы. С другой стороны, политологические концепции могут быть верифицированы социологическими методами. Но все-таки политология более частная наука, чем социология.

А. К.: В чем, с Вашей точки зрения, может быть миссия политологии?

Е. Б.: Призвание политологии состоит в том, чтобы выработать систематизированные знания о политике как общественном явлении, понимание сути политических процессов. Важно осуществить анализ политической реальности Беларуси в контексте исторического опыта народа, его стремления к национальному самоопределению и независимости. Понимать политическую реальность как совокупность интересов, потребностей, политических предпочтений, идеологических ориентаций различных социальных групп.

Необходимо разработать концепцию и функциональную модель современного белорусского эффективного государства, смоделировать оптимальные механизмы взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властей, а также органов государственной власти и местного самоуправления. Ну и, конечно, методология...

А. К.: Как Вы считаете, политология в перспективе будет приближаться к прикладным вещам или даже «идеологии», или все-таки это будет сближение с политической социологией, политической философией?

Е. Б.: Все эти грани очень условны. Сейчас идет два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, междисциплинарный синтез. Политическая

философия, политическая психология, политическая социология, или социология политики — эти отрасли знания сложно относить к политологии. Примеров можно приводить много, получается междисциплинарный синтез. Возникает проблема многоядерного общественно-гуманитарного знания, где политология является одним из центров притяжения других наук. Конечно, чтобы избежать «политической приземленности», политология, если она хочет выжить как наука, а не превратиться в служанку, должна развиваться на двух уровнях. Развитие политологии только на прикладном уровне приведет к ее сильной зависимости от потребностей «власти», это значит однозначно подчиненное положение в системе знания. Уровень политической теории — необходимое условие полноценного и самостоятельного существования политических исследований. Вообще, классики: М. Вебер, Г. Алмонд, С. Верба, С. Хангтингтон, Д. Белл, З. Бжезинский — придерживались именно этой стратегии. Есть уровень эмпирических политологических исследований, на котором политология тесно смыкается с социологией, а второй уровень — теория политики, где политология тесно смыкается с философией. Рафинированная теория политики, специальные политические исследования (внешняя политика, социальная политика, партийная система), эмпирические политологические исследования — все эти уровни должны существовать, иначе политологии не будет.

А. К.: В связи с развитием за последние два года системы текстов, концепций, теоретических конструкторов под общим названием «Идеология Белорусского государства» — какой статус этой системы в культуре и науке? Можно ли отнести практики по ее созданию к прикладной политологии?

Е. Б.: Идеология базируется на мировоззрении. Типы мировоззрения — это типы идеологии. Идеология — это система взглядов, верований, мифов... представлений, чувств. Нельзя сказать, что это только прикладное конструирование, это не так. Все это значительно шире.

В идеале идеология должна отражать думы и чаяния народа, по крайней мере, большинства, должна быть общенародной. Возникает проблема создания идеологии, которая бы опиралась на реальные ценности белорусского народа. Кроме этого, нужны конкретные лозунги, которые вырастают из национальной идеологии, охватывают большинство общества, в которых находит отражение воля граждан. Это сложно сделать, но делать это необходимо.

А. К.: А каков статус «идеологии» в научном сообществе: концентрация научных схем, политический проект или политическая технология?

Е. Б.: Всего понемногу. Идеология должна формироваться на базе ментальных ценностей белорусского народа, иначе она не будет идеологией белорусского государства. В основе идеологии лежат такие категории как толерантность, доброжелательность, терпеливость, работоспособность и др. Идеология выступает подсистемой, из которой вырастает политика, а не наоборот. Например, партия базируется на двух основных составляющих — организационной и идеологической. Если нет идеи, то партия не нужна, но и одна идея не срабатывает. Чтобы идея обрела силу, нужна партия, организация. Сначала — идея, потом — организация, и из этих двух вещей возникает политика. Идеология составляет исходный мотив и стимул действия, она превращается в лозунги, а из лозунгов вырастает политика.

И. С.: Если вернуться к академической среде. С Вашей точки зрения, насколько сильна для академической элиты угроза превратиться в подносчика идеологических снарядов?

Е. Б.: Если сравнивать со снарядами, то элита должна не подносить снаряды, а выбирать цель. Есть такие слова А. Шопенгауэра о гениях, талантах и серой массе: «Все люди ставят цель и стреляют. Обычные люди, или представители серой массы, как правило, цель ставят, но чаще всего не достигают ее, талант рубит точно в цель, а гений стреляет в ту цель, которую никто не видит, он в нее попадает, и через некоторое время люди начинают понимать, что это и есть та самая цель, которую они раньше не видели». Если говорить об элите, в том числе занятых в политических исследованиях, то они не должны быть подносчиками снарядов, и даже теми, кто стреляет, а теми, кто выбирает цель. Элита должна выбрать цель, а под нее надо строить идеологию, политику, экономику, образование и т. д.

А. К.: Насколько ученый может быть вовлечен в политическую деятельность и оставаться при этом ученым?

Е. Б.: Думаю, что настоящий ученый должен отречься от некоторых соблазнов: стать президентом, парламентарием, министром — это другая сфера деятельности. Активная политическая деятельность отрывает от науки, хотя некоторый опыт работы в парламенте может быть очень важен. Но призвание ученого — заниматься наукой.

Ученый должен быть «выше схватки», он должен быть отстранен от сиюминутных политических амбиций. Ученый может выполнить свою политическую миссию при условии, если он не связан определенной политической ориентацией. Интересы науки должны быть выше.

А. К.: С Вашей точки зрения, политическое исследование возможно без участия в политике? Может ли быть достаточно информированным о политике исследователь, который не вовлечен в политические процессы?

Е. Б.: Может быть... Дело в том, что когда исследователь связан с определенной партией или группой чиновников, то он работает не столько на науку, сколько на интересы этой корпорации, к которой принадлежит. Главное призвание ученого — исследование. Так, как, например, настоящий теолог должен служить Богу, а миссионерская деятельность может только отвлекать. То же самое можно сказать в отношении философа, социолога и т. д. Так философия рассматривает предельные основания человеческого бытия, т. е. ставит вопросы, на которые не может быть окончательного ответа — на вопрос «В чем смысл жизни человека?» ответить однозначно нельзя никогда. Можно спросить «Какова судьба народа?»,

мы отвечаем, но каждое движение вперед смещает эту планку. Хорошо сказал К. Ясперс: «Философия — это путь, на котором решается множество вопросов, и каждый полученный ответ превращается в новый вопрос». Это касается не только философии, но и политологии. Политология ставит вопросы, на которые ищет ответы. Если ты ушел в политику, то можешь ответить на этот вопрос, но уже с точки зрения своей политической приверженности, а исследователь должен смотреть выше на все процессы.

А. К.: Если ученый должен стремиться занимать позицию над политическими группами, насколько он может быть ответствен за события в стране?

Е. Б.: За события в стране отвечают политики. Даже если ученые советуют, именно политики принимают окончательное решение. Ученый может быть компетентным советчиком, он советует, но не может принимать решение. Следовательно, ответственность несет тот, кто принимает решение. Но ученый несет моральную ответственность, и про это нельзя забывать.

Вопросы задавали

Андрей Казакевич, Ирина Суздалева